

СКАЗОЧНИК МУДРЫЙ И ДОБРЫЙ

ТЕАТР ЛЕОНИДА ЕНГИБАРОВА ВО ЛЬВОВЕ

Леонид Енгибаров знает и любит многие. Актора — по фильмам, клоуна — по цирку, литератора — по рассказам и новеллам в журналах. А недавно родился новый театр — Московский эксцентрический эстрадный театр Леонида Енгибарова. И вот он на гастролях во Львове.

Акробат в клоун, жонглер и мим, он же — один из авторов спектакля, Леонид Енгибаров неповторимо индивидуален. За каждой его сценой, аттракционом, пантомимой — тончайшие оттенки чувств, прикрытые то веселой, то грустной улыбкой. Очень широка его палитра: от мягкого, доброго юмора, на котором «настроены» вся трюковая часть

спектакля и многие мимические сценки, до развешен политической сатирой («Тотальная мобилизация», «В костюме»).

Леонид Енгибаров начинает день с работы за письменным столом. Когда берется за перо, пишет рассказы, новеллы, еще не знает, где это увидит свет. Выходит удача — вызывают на сцену. Получается — значит, принимается сценарий. А иногда так и остается произведение в «совокупительном» варианте. Подготовил и печати книжку рассказов. Почталась в журналах — «Дом», «Волга», «Москва», «Антар», «Литературная Армения». Недавно и в журнале «Украина»

появился его рассказ — там он представлял юмористическую «сборную». Москва. В одно из издательств сдана повесть...

В прошлом он — боксер, учился в институте физкультуры. С третьего курса института пошел на второекурс Московского училища, которого и циркового искусства. Отдав в дет рингу, перешел на сцену... И какие-то «боксерские привычки», наверное, сохранились. Джеймс Олдридж интересно заметил: в том, что делает Енгибаров на сцене, чувствуется моральная агрессивность. Так вот, естественная смелость, ритм, непосредственность, «агрессивность» — отсюда, из спорта.

В шуточной биографии, которая будет открывать книжку рассказов Л. Енгибарова, написано: «Люблю: мир, осень и Винсента Ван-Гога. Боюсь: блуждающих». Того самого, которого боялся Маяковский.

Иде увлеченные — библиотека. Две с половиной тысячи томов, которые собрал своими руками. Конечно же, она — в «орудия производства», первое подписание в работе...

Наш корреспондент попросил артиста рассказать читателям о своем театре, о друзьях, о себе. Вот что он рассказал.

езжали в Одессу и вот теперь — во Львов. Это, самые крупные города на пути нашего следования, и они, так сказать, решающий для нас экзаме́н. Стареемся как можно лучше его выдержать.

Уже закончили сценарий и следующего спектакля. Здесь, во Львове, приступили к репетициям. Торопимся! Думаю, что нет. Мы — театр, а театр — это не гастрольная группа, которая, сделав хорошее представление, может разъезжать несколько лет — от Владивостока до Рима. В цирке иногда, к несчастью, так и происходит. Актер всю жизнь выступает с одним и тем же номером и потом, в конце пути, даже гордится: вот я, мол, целых 20 лет одно и то же делаю. По-моему, этим гордиться не надо, это трагедия. Мы не хотим быть похожими на такого рода гастролеров. Театр — это прежде всего репертуар. Как только выпустим «на свет» новую пьесу, два спектакля будут идти параллельно.

Наш театр — эксцентрический. Это значит, проще говоря, клоунский. В самом широком смысле этого слова. Помните, Чарльз Чаплин говорил: «Я клоун», хотя он великий режиссер, великий актер, великолепный композитор. Ведь клоун — это не профессия. Это отношение к жизни.

Каким словом можно заменить слово «эксцентрический»? Я бы заменил, например так: «Театр сказки». Потому что, сказка — это очень серьезно, это не только для детей. Ведь каждая сказка несет в себе второй план, всегда мудрый и обязательно добрый. Иногда немножко грустный...

Предпосылки к созданию театра заключались в том репертуаре, который был у нас в руках. Искали себе применения, нового выражения, актерские принципы, актерское умение, приобретенные за многие годы. В цирке мы начинали переступать границы жанра. Так что же, обеднять себя? Отказаться от серьезных, глубоких по мысли пантомим — таких, как «Жизнь женщины»,

«Тотальная мобилизация», «В костюме»? Это значило — обрезать себе крылья...

Есть целый ряд тем, идей, которые мы можем выразить только на сцене. Как бы мы ни любили цирк, но скажем, «Гамлет» в цирке не поставить — это будет профанация. И зачем? Цирк, с его животными, с его какой-то наивностью имеет определенные границы. Другое дело — театр...

О ДРУЗЬЯХ. У нас в театре существует принцип: кто не друг — тот не может быть и партнером. Режиссер театра Юрий Белов — еще и мой близкий друг. Он меня выпускал из циркового училища. И в цирке, и на эстраде мы всегда с ним работали. Мы понимаем друг друга с полуслова, полузагляда. Театр — это коллектив, группа людей, объединенных единым порывом, единым мировоззрением, и... остается только радоваться, что нам удалось найти друг друга.

Наши остальные актеры — это тоже друзья. Они еще молоды, с увле-

чением относятся к своему театру, очень им увлечены.

Друзья — это, конечно, и те, кто помогает нашему делу. Многие из них — старые друзья; они приняли наш театр, что, разумеется, очень важно. Во Львове, к примеру, был в спектакле известный артист Олег Стриженов (он сейчас здесь — на сьемках). Мы знакомы давно, и пержи́вал он, пожалуй, больше меня. Рад, что все переживания закончились хорошо...

ЕЩЕ НЕМНОГО — О ЛЬВОВЕ. Это прекрасный город, удивительный Одесса, Ленинград, Львов — вот города, которые больше всего люблю. Во Львове очень хорошо просто побродить. А кроме того, город — это, конечно, люди. Я вижу их лицом к лицу на каждом спектакле. Эти люди не могут не нравиться. И как люди, и как зрители.

На сьемке: сцена из спектакля «Причуды клоуна».

Фото В. Силена.

Львов